

Дамье Вадим. Либертарный социализм или экологическая катастрофа?

2009, источник: [здесь](#). Опубликовано в «Кентавр. Историко-политологический журнал». 1993. №1. С.18-36.

Реквием по социализму?

Социализм оказался утопией, и чары его развеялись. Социализм умер. Эти и подобные им высказывания можно сегодня услышать с всех сторон. Человечество переболело опасной детской болезнью и теперь выздоравливает. Идеи демократии и свободной рыночной экономики наконец-то одержали победу, и теперь уже ничто не сможет омрачить их торжество. Так или примерно так заявляют лидеры и политики западного мира, а вслед за ними и вожди новых независимых государств, образовавшихся на развалинах СССР.

Ну что ж, скажем над постелью умирающего прощальное слово и отправим затем покойника в последний путь?

Во избежание недоразумения автору следует объяснить. Он не испытывает ни малейшего сожаления в связи с кончиной той общественной модели, которую с таким счастьем отпевают одни и так же сильно оплакивают другие. С его, автора, точки зрения, крах тоталитарного устройства, так напоминающего мрачный кошмар оруэлловского «1984», можно было бы только приветствовать. Но помимо сомнения в адрес тех, кто идет в похоронной процессии, есть и другие моменты, заставляющие пристальнее всмотреться в единодушное торжество новоявленного «праздника избавления».

Кого же здесь хоронят?

Тоталитарный сталинистский порядок? Да, конечно. Но только ли его? Не присутствуем ли мы при своеобразной переоценке ценностей, да притом таких, которые отнюдь не ограничиваются рамками сталинистской или вообще большевистской модели? Давайте вслушаемся в эти доводы, доносящиеся из похоронной толпы. Хватит экспериментов, хватит

утопий! Долой мечты о светлом будущем, «сны о чем-то Большем» — подайте нам гарантированное и сытое настоящее! Довольно вообще фантазий и идеалов — это иллюзии! Истинны только сытое брюхо да набитая мошна: торжествующая психология сверчка, знающего свой шесток...

Виновато ли естественное стремление человека к свободе, равенству, счастью, гармонии, взаимной помощи в том, что тираны использовали его и прикрыли свое царство этими красивыми словами? Виноват ли Христос в зверствах инквизиции, а Будда — в угнетении религиозных меньшинств в буддийских странах?

Так что же умерло? Социализм или Нечто, нацепившее на себя его плащ? Как противники социалистической идеи, так и апологеты потерпевшего поражение устройства здесь оказываются едины, и это невероятно характерно. И для тех и для других именно социализм потерпел поражение, разбит, отступает, умирает.

«На Земле еще не существует социализма» (1), — писал в 1963 г. немецкий революционер Руди Дучке. С тех пор миновало 30 лет, но эти слова по-прежнему остаются горькой правдой. Не будем же отпевать то, что еще не родилось на свет!

Индустриализм и миф о двух системах

Еще в начале 70-х годов, ученые, далекие от любого социализма, обосновали тезис о «пределах роста». Сопоставив самые различные факторы, такие, как ограниченность природных ресурсов, рост количества ядовитых, вредоносных отходов в результате бурного развития производства, увеличение потребления, климатические изменения, порожденные хозяйственной деятельностью человека, и другие, эти исследователи пришли к заключению, что уже во второй четверти — середине XXI в. человечество ждет уничтожающая и губительная экологическая катастрофа или, возможно, серия таких катастроф. Их следствием может стать вымирание человека как вида либо его деградация.

С тех пор как были сделаны эти прогнозы, прошло 20 лет. Они и оправдали выводы ученых и не оправдали их. Наступление катастрофы оказалось не таким резким и быстрым, в некоторых сферах и странах угрожающие процессы удалось если не остановить, то замедлить. Но главный прогноз, главная тенденция остается в силе. Признать это заставляет нас не только простой вывод о том, что безграничный, бесконечный количественный рост производства и потребления в ограниченной системе планеты Земля с ее конечными возможностями воспроизводства и сложным балансом природных систем невозможен. Сама жизнь — от Чернобыля до озоновой дыры, от умирающих лесов до засух и голода в Африке — подает нам многочисленные признаки надвигающейся беды.

Отбросим сиюминутные нужды и проблемы, оглянемся внимательно вокруг. Да, история, основанная на завоевании и покорении природы и внутреннего мира человека, действительно зашла в тупик. На всем ее протяжении людской род дорогую цену платил за экономический и технический прогресс. На месте многих процветавших и плодородных речных долин расстилаются пустыни, а некогда богатые и шумные города занесены

песками. Но сегодня под угрозой не несколько долин, а всемирная человеческая цивилизация. Наступил день, когда никакие достижения и блага культуры и технического гения, никакое потребительское изобилие уже не в состоянии возместить издержек. Человек последовательно уничтожает основы собственной жизни и жизни грядущих поколений. Как будто он заключил сознательный союз со смертью, подобно гигантским стаям леммингов, неуклонно стремящимся к скалистому обрыву над морем.

Все это отнюдь не предопределенный свыше, религиозный «конец света», не апокалипсис или армагеддон, родившийся в сумеречном сознании. Нет, таков, увы, вполне закономерный итог того типа развития человечества, что издревле был основан на логике господства над всем окружающим как над объектом власти (будь то природа или другие люди), на тотальной жажде обладания и властвования. Десятки человеческих поколений усваивали с детства, что гармония немыслима, невозможна, что выжить в обществе и в окружающем мире можно лишь, победив в ожесточенной и бескомпромиссной борьбе за существование.

Капитализм — строй, подчинивший всю жизнь человека экономике с ее законами роста, накопления и конкуренции, — негласно начертил эту максимум на своих знаменах. Капиталистический индустриализм довел ее до апогея, единственной и необратимой нормы бытия.

Индустриально-капиталистическая система — вот непосредственный виновник надвигающейся катастрофы, которая приближается медленно кошачьим шагом, заслоняясь от населения наиболее развитых стран горами товаров, комфортом, бесконечным разнообразием искусственных продуктов, вытесняющих живой мир.

Индустриализм — это не просто тип производства и потребления. Он предстает перед нами как логика, закономерность безграничного увеличения производства, потребления, накопления, материального достатка, с одной стороны, расхищения энергии, сырья и человеческих ресурсов (любой ценой и невзирая на долгосрочные потребности живущих и будущих поколений) — с другой, стандартизации, «формовки» людей — с третьей. Его содержание — лихорадочная гонка за экономической эффективностью, материальным богатством, умножением благ и привилегий, совершенствование контроля и власти. Именно поэтому он неотрывен от бюрократии, от централизованной власти, примата неких «общих» (государственных, национальных, ведомственных, корпоративных и т. п.) интересов перед необходимостью сохранения здоровья и жизни людей, их свободной самореализации.

В основе индустриальной экономической системы — особый тип разделения труда, производительные силы, организованные таким образом, что неизбежно возникает предельное разделение между руководителями и исполнителями конкретных, частичных операций. Поэтому существование управляющих и управляемых, тех, кто принимает решения, и тех, кто выполняет приказы, запрограммировано. А вместе с этим предопределены отчуждение и эксплуатация. Причем отчуждение не только экономическое (от продукта своего труда). Оно комплексное, или, если угодно, тотальное: отчуждение от природы, от продуктов своей деятельности, от решений, принимаемых в обществе, от своих подлинных интересов, от себя самого, от других людей. Человек становится своего рода роботом, выполняющим конкретное задание, но не постигающим совокупности и смысла

своих собственных действий.

Начавшись как система организации производства, индустриализм распространился на все сферы общественной жизни, сковывая их тем, что М. Вебер назвал «формальной рациональностью». «Рационализируются» все отрасли человеческой деятельности, происходит «замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса» (2), торжествует узкий утилитаризм, форма превращается в самоцель. Модели огромной фабрики, которая работает подобно единому механизму, обеспечивая оптимальный и наиболее эффективный рост прибыли и власти, соответствует и общество, либо функционирующее как единая фабрика по централизованному плану, либо управляемое наиболее «компетентными», то есть выдержавшими испытание в острой конкурентной борьбе менеджерами, технократами, предпринимателями, политиками и иными «специалистами», «солью земли». Демократия сводится лишь к периодическому отбору наиболее «способных» из них. На большее «маленький человек» просто не тянет — таков негласный постулат индустриального общества. Колеснику или винтику не обязательно знать, для чего работает машина, лишь бы они прилежно выполняли свои задачи. А чем их «смазать» — сверхличностной, сверхчеловеческой «идеей» или жаждой личного

обогащения — это принципиальной роли не играет.

«Рационализируются» не только экономика и управление, но и сама повседневная жизнь людей, их отношение к себе, к окружающему миру, друг к другу. Стремление возобладать над окружающим, над природой и другими людьми, достичь собственного господства над этим миром, чтобы выжить в борьбе за существование, и до этого было стимулом многих человеческих поступков, пусть не единственным. Теперь же этот стимул заслоняет и вытесняет другие. От природы и от людей требуют не гармонии и не взаимопомощи, но исключительно материальной полезности. Наконец, деформируется само мышление человека. Не эта ли «рационализация» мышления побуждает обывателя высмеивать и отвергать любую мечту, фантазию, идею, любой благородный порыв, любую «утопию», вырывающуюся за пределы утилитарной выгоды и серой, усредненной нормы?

Итак, если мы суммируем проявления индустриализма как определенного строя жизни и мышления, то обнаружим две характерные черты. Они наиболее важны в нашей попытке добраться до коренных причин той опасности, что угрожает человеческому роду. Во-первых, это доведенная до абсолюта логика господства как ведущий стимул любой деятельности. В различных вариантах индустриалистского общественного устройства она может проявляться по-разному: на частнокапиталистическом Западе — в виде погони за прибылью любой ценой, в том мире, который до сих пор прикрывался этикеткой «социализма» с определением «реальный», — как жажда приобрести иерархические привилегии. Но в обоих вариантах человека вынуждают стремиться к власти, к триумфу над всем окружающим. Ибо: топчи — или будешь растоптан сам.

Во-вторых, к важнейшим чертам индустриализма следует отнести предельную специализацию, крайнее разделение труда (техническое и социальное), которое доходит до полного разрыва между руководителем и исполнителем, производителем и потребителем.

Этот признак, опять-таки характерный и для «западных» и для «восточных» разновидностей, предопределяет негативные последствия индустриализма: «производство ради производства», разрушающее окружающую среду и игнорирующее действительные нужды природы и потребителей, отчуждение и подчинение человека внешнему диктату (будь то безликие, надличностные законы рынка или произвольные решения управляющей бюрократии), антисолидарное поведение людей, подтачивание человеческой личности, ее творческой фантазии и свободы экономической рациональностью и материально-потребительской ценностной ориентацией.

Индустриализм, конечно, не есть исключение в человеческой истории. В известном смысле это развитие тенденций, которые складывались и накапливались в ходе предшествующей эволюции. Это логическая и, вероятно, последняя стадия в истории обществ, основанных на господстве классовых и государственных структур. Абсолютизированная рациональность, подчинение всех жизненных проявлений экономике и крайнее разделение труда позволяют локализовать индустриализм еще конкретнее — как завершающий этап развитого товарного производства, капитализма. Тот, на котором все вокруг превращается в товар, в объект для подчинения монополии на обладание (собственности) и управление (власти).

Более старый и развитый, своего рода классический вариант индустриализма — западное рыночное общество. Оно наиболее смягчило и комфортабельно обставило свой закат. Ломящиеся от товаров прилавки магазинов, высокое материальное благосостояние в западных метрополиях скрывают от глаз нищету и голод на периферии этой части мира, где-нибудь в Африке или Латинской Америке. Но и в самом центре уже неумолимо тикает часовой механизм экологической мины замедленного действия, напоминая о том, что умирание тоже может быть пышным и изобильным.

Рыночный производитель не знает, найдет ли спрос его товар. Конечно, он предполагает, прогнозирует, но он рискует. Апологеты рыночной экономики видят именно в этом ее достоинство. Дескать, риск заставляет хозяйствовать более эффективно, рационально, прибыльно, порождает изобилие товаров и услуг. Верно, западный рынок порождает изобилие, и измученному дефицитами «советскому» потребителю этого оказалось достаточно. Он наивно поверил, что рынок — идеальный механизм для удовлетворения его потребностей. И при этом забыл о том, что на многие из этих потребностей рыночному производителю, по существу, наплевать. Если удовлетворять тот или иной запрос потребителя рыночному предпринимателю не выгодно, он выберет иной путь: постарается убедить покупателя, что ему нужен именно тот товар, который он, производитель, изготавливает. Если потребности нет — ее нужно создать.

Результаты оказались ужасными. Целый мир искусственных, стимулированных потребностей все больше и больше вытесняет подлинные реальные потребности человека. Производитель манипулирует желаниями людей, побуждая их приобретать все больше не столь уж нужных, а то и попросту ненужных им вещей. И производство таких вещей растет неуклонно, из года в год. «Производство ради производства» подстегивает «потребление ради потребления».

«Ну и что же здесь ужасного?» — может спросить иной гражданин, которому и в наши трудные дни, несмотря ни на что, доступны все радости рыночного потребления.

Ужасно то, ответим мы, что для производства всей этой груды товаров затрачивается больше сырья, энергии и человеческих сил, чем это необходимо и допустимо. Растет не только гора благ и услуг — растут и кучи отходов, груды мусора. Рыночное общество оказывается на поверку расточительным и разрушительным. Экономическая рациональность рынка оборачивается экологической нерациональностью. Змея пожирает собственный хвост. Рынок «диктует... беспощадное требование «расти или умри» (3), — пишет современный американский анархист и эколог М. Букчин. А французский экосоциалист А. Горц суммирует: порождаемый рынком «разрыв решений о производстве и потреблении пробуждает на всех уровнях тенденцию к максимальному росту» (4). Но это означает именно последовательное, упорное, комфортабельное сползание в экологическую пропасть!

Рыночный капитализм — это общество, развившее экономику до ее высшего предела, подчинившее ей всю остальную жизнь людей. А погибнет он от того, что экономика как раз игнорирует, — от экологических неразрешимых проблем. Вопрос только в том, погибнет ли он один, или увлечет в смертельную бездну человеческий род? Индустриалистическая логика господства и количественного роста оказывается сердцевиной рыночной экономики, а потому, не устранив ее, невозможно ни освободить человека от диктата внешних сил, ни спасти нашу планету.

Каким бы уязвимым ни был западный вариант индустриализма, он оказался все же сильнее своего восточного конкурента — так называемого «реального социализма». Правители и апологеты этой модели избрали в качестве своего идейного оружия теорию о «двух системах». Они объявляли свое общество альтернативой «западному капитализму», коренным образом отличной от него и ведущей с ним непримиримую борьбу. Они гордо и самонадеянно уверяли, будто их «социализм» окажется победителем в этой долгой войне (иногда «холодной», чаще «горячей») и восторжествует не только политически, но и экономически. Надежды эти оказались таким же несбыточным мифом, как и сам тезис о «двух противостоящих друг другу системах».

Никаких двух систем не было и в помине. Существовали две разновидности одной и той же системы — капиталистического индустриализма. И принципиально они не отличались друг от друга.

Бюрократическое централистское руководство в обществах - так называемого «реального социализма» отнюдь не устранило обменный, товарный характер производства. Разрыв между производителями и потребителями сохранялся, но обмен стал осуществляться не частными лицами, а государством с помощью определяемых им монопольных цен. Как и в условиях рыночной экономики, человек не имел возможности определять, как ему следует жить, трудиться и распоряжаться своим свободным временем.

А. Горц в «Критике экономического разума» выделял две формы несвободы человека, две разновидности положения, при котором его воля скована, а собственная деятельность и вся

жизнь общества ускользают из-под его сознательного контроля (5). Первая форма проистекает из многочисленности несогласованных эгоистических действий индивидов. Именно так происходит при рыночной экономике. «Их действия обретают некую связанность в виде внешнего вектора, устанавливающегося в ходе рыночных процессов, но эта связанность — результат случая. Он, как и в термодинамике, основан на чисто статистических законах и не имеет ни смысла, ни цели» (6). Итог не отвечает задачам, которые ставят перед собой участники процесса, их жизнь подчинена, таким образом, внешним, чуждым им «закономерностям». Это и рождает разрушительность, неразумность рыночного общества, толкает его к экологической катастрофе.

Но есть другая форма несвободы, другой тип отчуждения. Это подчинение людей могущественной организационной структуре, что побуждает их предпринять действия, смысл и цель которых люди не осознают. Отдельные индивиды все так же оторваны друг от друга, не постигают, не видят и не контролируют целого. За них решает всемогущий механизм, предполагающий, что он знает все. Таким механизмом является государство и его бюрократия, а орудием ее становится централизованное планирование сверху. Таким образом, в обществах «реального социализма», как и при «классическом» западном капитализме, жизнь не подчинялась свободной согласованной воле людей, но определяющие функции передавались не внешним по отношению к индивидам законам рынка, а правящей бюрократии. С другой стороны, бюрократия подобно частным или коллективным капиталистам стремилась к тотальному господству, для чего ей был необходим все тот же безграничный индустриальный рост и экспансия вовне. Экономика все так же торжествовала над экологической гармонией и над свободой человеческой личности. Более того, произвол бюрократического управления, равнодушие чиновников к потребностям природы, людей, вообще ко всем сферам, не приносящим бюрократии непосредственного расширения ее власти и могущества, порождали постоянные экономические диспропорции и дефициты.

Используя индустриальную капиталистическую технологию, государственная бюрократия стран «реального социализма» переняла и индустриалистический капиталистический облик производительных сил с его крайним социальным и техническим разделением труда, с полным подчинением человека технологическому процессу производства, всеобщую систему наемного рабства, рационализацию политической структуры общества, и, наконец, капиталистическую модель потребления, основанную на накоплении материальных ценностей и стремлении к обогащению. Но именно здесь ее и подстерегал рок. Первоначально попытка развить индустриально-капиталистическое производство лучше капиталистов и без капиталистов удавалась благодаря гигантской концентрации и централизации сил. Эти преимущества долго помогали бюрократии в борьбе с ее зарубежными конкурентами. Но постепенно она стала сдавать, не справляясь со все усложняющейся системой производственной и общественной жизни. Диспропорции и дефициты умножались, став постоянным кошмаром «тришкиного кафтана». Дали сбой старые стимулы: нельзя бесконечно управлять кнутом, а на пряник уже не хватало ресурсов. Наконец, эгоистические и потребительские притязания разодрали на части некогда монолитную твердыню правящей бюрократии и дело закончилось переделом имперского пирога между различными региональными группировками бюрократии.

С крушением «реального социализма» рухнул и миф о «двух системах». Оглядываясь назад после десятилетий безумной борьбы за гегемонию в мире, мы можем теперь ясно увидеть: никакого противостояния двух альтернативных друг другу систем не было. Были лишь два пути лихорадочного развития капиталистического индустриализма, каждый из которых представлял собой, оборотную сторону, тень другого. Несмотря на различия в условиях собственности (государственной или частной) и конкуренции (управляемой или рыночной), оба вели в принципе к одному и тому же — к катастрофическим последствиям в сфере экологии и к разрушению человеческой личности. Насилие над Землей и людьми восторжествовало и на Востоке и на Западе. Разными дорогами подошли эти разновидности индустриализма к порогу катастрофы. Но оба стоят в итоге над одним и тем же обрывом.

В поисках «меньшего зла»

Сила привычки и сила воспитания, вся тяжесть устоявшихся норм и авторитета, вся мощь пропаганды, наконец, сам доминирующий стиль жизни заставляют человека избегать «экстремистских крайностей», чураться «утопических фантазий». К тому же индустриализм в его высших проявлениях комфортабелен, и этот комфорт исподволь подточил волю к переменам. Нет, изменения, конечно, необходимы, но пусть они не заставляют нас отказаться от наших привычек и слабостей, пусть не подвергают риску неизведанного, не заставляют искать, мыслить и решать самостоятельно. Только без крутых поворотов! Пусть будет золотая середина. И люди отправляются в путешествие на поиски нового святого Грааля — меньшего зла.

Она очень длинна, история этого путешествия! По разному назывались его цели, но путь всегда был бесплоден и вел к миражу.

С помощью мягких, постепенных, бережных изменений предполагается придать рыночной экономике новые черты, создать «постиндустриальное общество». Не фабричное серийное производство с его гигантскими заводами и разрушающими среду технологиями, а гибкая, автоматизированная цивилизация услуг должны будут определять лицо грядущего мира. Капиталистические фирмы и компании, рыночные производители осознают выгоду и прибыльность экологичной техники, «чистого» производства и «чистой» продукции. Капиталистическая рыночная экономика станет, таким образом, постиндустриальной, личностной и экологической, и тень катастрофы развеется.

Многое на сегодняшнем Западе, как кажется, даже подтверждает эти прогнозы. «Прочь от старых, больших, «тяжелых» и грязных индустрий с дымовыми трубами к современным, небольшим, децентрализованным и вроде бы чистым индустриям с «высокой технологией», «мягкой» химии — и к «экологически приемлемым услугам», — таков был лозунг капитала. И частично это развитие произошло» (7), — подытоживал немецкий леворадикальный журнал «Уайлдкэт». Современный капиталист зачастую охотно «экологизирует» свое производство, вкладывает средства в альтернативную энергетику, сельское хозяйство без химических удобрений, децентрализованное планирование развития городов, рециклинг; почти на всех предприятиях созданы экологические комиссии, должности экологических уполномоченных. Кое-где стали чище воздух и вода. Наконец, опережающий рост сферы услуг (так

называемой «третичной сферы») по сравнению с материальным производством доказываемая почти всеми статистическими исследованиями. И все же...

Разберемся вначале, насколько удастся западному капитализму стать «постиндустриальным». Все зависит от того, какой смысл мы вкладываем в понятия индустриализма и постиндустриализма. В глазах апологетов и защитников рыночной экономики разница между ними — всего лишь в отличии промышленной цивилизации от цивилизации услуг. Сводя различие лишь к поверхностной проблеме соотношения двух хозяйственных секторов (промышленного и услуг) или исключительно к фактору автоматизации, эти теоретики упускают главное в индустриализме — отчужденный, товарный (на продажу) характер производства, разделение труда, обуславливающее господство человека над человеком, стимулы к бесконечному росту экономики за счет природы, унификацию и стандартизацию товаров.

А потому они не говорят о простом и очевидном факте: речь идет не об отказе от капиталистического индустриализма, а, напротив, о его распространении на новые сферы, в частности на сферу услуг. Как справедливо замечает А. Горц, информатизация должна «позволить индустриализировать ремесленные услуги человека человеку, приватизировать ранее общественные службы и превратить производство в вид деятельности, которую выполняют сами потребители с помощью средств, поставляемых индустрией» (8). Отныне уже не только материальные, но и иные потребности людям придется удовлетворять через рынок. Но это означает дальнейшее вытеснение отношений самопомощи, взаимопомощи, самодеятельности и т. д., сокращение производства индивидуально предназначенных благ и услуг и гигантское расширение сферы анонимного, стандартизированного, коммерческого производства. Все это лишь усиливает деградацию, отчуждение и рабство человеческой личности. Создавая новый рынок, технологический переворот обостряет конкуренцию, борьбу всех против всех; тем самым господство человека над человеком не только не устраняется, но, напротив, увеличивается.

Столь же необоснованными выглядят претензии «постиндустриального капитализма» на мир с природой. Не принося гармонии во взаимоотношения между людьми, он не может и стать экологичным. По словам того же журнала «Уайлдкэт», «с помощью «защиты окружающей среды» капитализируются все новые и новые сферы» (9). Природа все больше превращается в товар; естественные блага, воздух, вода — даже то, что прежде было бесплатным, — продаются и покупаются, а значит, и расхищаются во имя прибыли. Стимул для разрушения окружающей среды сохраняется. Вредные производства переводятся в менее развитые страны, приближая катастрофу.

Порочная логика «производства ради производства» и «потребления ради потребления» — эти неотъемлемые признаки капиталистического индустриализма — лишь подчиняет себе новые, постиндустриальные и экологичные технологии, которые в иных условиях быть могут могли бы стать фактором освобождения и гармонии. Орудие свободы и мира становится инструментом разрушения и всеобщей конкурентной войны.

Реформистские левые сознают, что капитализм не может быть «постиндустриализован» и «экологизирован». Но и они не желают рвать с тем, что считают достижениями нашей

цивилизации, — развитым разделением труда, специализацией и стандартизацией, рыночными отношениями, стремлением к выгоде как стимулу экономического развития. Они предпочитают разрабатывать проекты «рыночного социализма», который призван, но их расчетам, соединить и примирить социальную справедливость с конкуренцией, самоуправление производителя и потребителя с рынком, спасение природы с экономической эффективностью и получением прибыли.

Насколько реальны эти надежды? Их можно понять как реакцию на провал модели «централизованного планирования» и всего восточноевропейского псевдосоциализма. Но оправдать их нельзя. В истории человечества были только две логики, только два стимула поступков. Одни опирались и опираются на унаследованный от природы инстинкт взаимопомощи, в их основе — солидарность и гармония. Другие — стихия взаимной конкуренции, господства и ненависти, кровавой борьбы друг с другом ради собственной утилитарной выгоды. И подобно тому как (говоря словами Козьмы Пруткова) нельзя объять необъятное, столь же невозможно, немыслимо соединить несоединимое. Либо одно, либо другое.

Трагедия Кассандры была в том, что люди не часто верят в предостережения, особенно если им кажется удобным не следовать им. Но осознание того, что человек все-таки разумен, заставляет нас не поддаваться либерально-рыночному духу времени и не делать ему уступки. Поэтому мы напомним здесь предупреждение П. А. Кропоткина: «.. Никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал... Наемный труд начал свое существование именно с этого принципа — «каждому по его трудам». — и привел он нас понемногу к самому явному неравенству и ко всем возмутительным явлениям современного общества. С того дня, когда люди начали мерить услуги, оказываемые обществу, платя за них деньгами..., — с того дня, когда было заявлено, что каждый будет получать столько, сколько он сможет заставить себе платить за свои услуги, — с этого дня вся история капиталистического общества была (при содействии государства) написана заранее... Неужели же мы должны теперь опять вернуться к этому исходному пункту и вновь пройти через то же развитие?» (10).

Увы, к этому предостережению пока что не особенно прислушиваются, забывая, что история, по образному выражению историка В. О. Ключевского, может жестоко проучить тех, кто не желает у нее учиться. Даже самые левые, революционные марксисты из тех, кто убеждены в необходимости общества самоуправления и самоопределения человека, даже они по-прежнему пребывают в плену абсолютизированных гегельянских догм. Они уверяют (и в этом оказываются неожиданно согласны с социал-дарвинистами!), будто лишь в борьбе состоит развитие, будто без противоречий невозможен прогресс, а гармония — это застой и энтропия. Они допускают возможность общества, где описанные нами противоположные принципы сосуществуют в длительной продолжающейся борьбе «на вытеснение». У самых левых речь идет о переходном периоде. У более «умеренных» или «рыночных социалистов» — о совершенной и законченной модели. Считая дисгармонию орудием гармонии, уверяя, будто рынок «отомрет» через собственное распыление, расширение или, наоборот, через государственный контроль над ним, они изображают господство как инструмент свободы.

Однако страны Восточной Европы и бывший Советский Союз не избрали даже этот весьма сомнительный путь "рыночного социализма". Они сочли, что их "меньшее зло" в другом – в попытке сменить сталинизм на обыкновенный западный, рыночный капитализм. При этом они усматривали в частнокапиталистической модели такие преимущества, на каких не рискуют настаивать и самые убежденные ее апологеты в Западной Европе, Японии или Северной Америке.

Рискуя оказаться в положении Кассандры, мы все же вынуждены предупредить: последствия перехода в рынок в Восточной Европе и особенно в бывшем Советском Союзе будут катастрофическими. Прежде всего, резко ухудшится экологическая ситуация. Разрушительные стороны рыночной экономики, о которых уже шла речь, дополнительно усугубят тот тяжелый ущерб, что был нанесен окружающей среде в предшествующие годы централизованно-бюрократическим руководством и планированием сверху. Более того, к обычным повсюду негативным последствиям рынка – торжеству краткосрочных хозяйственных интересов, слепой погоней за экономической эффективностью, производительностью и прибылью любой ценой, отсутствию контроля за производством со стороны потребителя, разграблению ресурсов – добавится и особенность менее развитых стран: нежелание владельцев капитала финансировать экологическую переориентацию промышленности энергетики и т.д. В сельском хозяйстве введение частного земледелия и землепользования приведет к резкой интенсификации эксплуатации почвы, к ускоренному разрушению почвенного слоя и к бесконтрольному применению химических удобрений и вредоносных средств защиты растений. И это в ситуации, когда, по данным Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), до 70% аграрных земель в бывшем Советском Союзе находятся под угрозой эрозии! (11)

Экологическая политэкономия давно доказала, что рыночные отношения наносят огромный ущерб окружающей среде. Профессор Капп в своей ставшей уже классической работе «Социальные издержки частного предпринимательства» (вышла впервые в 1960 г.) приходит к выводу, что «экономика свободного предпринимательства должна быть охарактеризована как экономика неоплаченных издержек... в той мере, в какой подлинные издержки производства вообще не учитываются предпринимателем. Эта часть производственных издержек перекладывается на третьих лиц или на общество и фактически лежит на них» (12).

Гаррет Хардин прекрасно продемонстрировал, как это происходит, в великолепном теоретико-игровом сценарии «Трагедия альменде». Предположим, каждый фермер может выпускать пастись на общественное пастбище столько своих коров, сколько он сможет. Однажды общее количество скота достигнет такого предела, после которого «каждая дополнительно выпущенная корова будет давать меньший удой молока с головы. Но это снижение удоев будет происходить за счет всех, в то время как каждый отдельный крестьянин сможет и дальше повышать собственное производство молока, увеличивая число своих коров. Его интерес будет состоять в том, чтобы увеличивать собственное стадо так быстро, как это возможно, причем быстрее, чем все остальные. Преследуя свою индивидуальную выгоду, — подытоживает А. Горц сценарий Г. Хардина, — отдельный крестьянин неотвратимо приближает общую катастрофу» (13).

Любой индивидуальный или коллективный товаропроизводитель в рыночной системе заинтересован произвести пусть вредную, но наиболее дешевую по себестоимости продукцию и продать ее как можно дороже. Что это - бомбы, яды или просто никчемная дребедень - не имеет никакого значения. Как-то по российскому телевидению был показан фермер, потчующий своих свиней БВК — искусственной биологической добавкой к корму, опасной при производстве и канцерогенной при потреблении мяса животных. Он прекрасно знал о последствиях, но его это не особенно интересовало. Дело-то выгодное: свиньи растут быстрее... Предостережение, которое, увы, не было услышано!

Остается, правда, еще возможность стимулировать предпринимателей на экологические меры с помощью государственных штрафов и льгот. Но во-первых, это будет уже вмешательством в столь любимую ныне «свободную игру» рыночных сил, а во-вторых, нигде в мире это еще не решило экологических проблем (максимум кое-где смягчило их).

Но негативное воздействие рынка на нашу страну не ограничивается только сферой экологии. Даже с точки зрения чистой экономики, рыночные реформы отнюдь не бесспорны, поскольку мы наблюдаем (как и в большинстве стран "третьего мира", кроме случаев с "новыми индустриальными тиграми" - небольшими странами, производящими, в основном, на экспорт) преимущественный бурный рост компрадорского, спекулятивного и посреднического капитала, который избегает вкладывать крупные суммы в производство, по крайней мере, надолго. Иностраный капитал тоже не рвется делать инвестиции в странах, где отсутствует социальная и политическая стабильность. Между тем, переход к рынку, особенно в нашей стране, - верный путь к общественной дестабилизации. Пример восточноевропейских стран и «третьего мира» наглядно показывает, что массового производства для массового потребления здесь не получается. Здесь возможен лишь экономический рост в отдельных секторах экономики, обслуживающих, прежде всего, потребности имущей элиты (например, производство предметов роскоши). В социальном отношении это общество с чудовищной поляризацией богатства и бедности.

«Экологизированный и постиндустриальный» капитализм, «рыночный социализм», переход от государственного капитализма к рынку — таковы те дороги, на которых люди хотят найти сегодня «меньшее зло». Мы попытались обнаружить за туманной, красивой дымкой слов обещаний извивы, повороты, выбоины и пропасти этих дорог. А потому можем теперь подвести итог: как централизованная бюрократическая модель общества с его планированием сверху, так и рыночная экономика и любые попытки их совместить в равной мере приносят жизнь, свободу, здоровье, благо людей и экологическое равновесие в жертву власти, господству, конкуренции, накоплению материальных благ. Меньшего зла нет. Единственный выход, единственная возможность остановить надвигающуюся катастрофу — порвать с самой логикой господства и с орудиями этого господства. «Собственность, господство, иерархия и государство во всех их формах и проявлениях немислимы для дальнейшего существования биосферы, — писал М. Букчин. — ... Любая попытка реформировать общественный строй, который натравливает человека на все силы жизни, — грубый обман, служащий лишь сохранению существующих институтов» (14).

Человеческий род сможет спасти себя и мир вокруг себя, лишь водворив гармонию между людьми и между человеком и природой, лишь поставив взаимопомощь и солидарность на

место конкуренции и подавления. Но этому соответствуют и иные, альтернативные сегодняшним формы взаимоотношений людей, а следовательно, и новое общество.

Альтернатива сегодняшнего и завтрашнего дня предельно проста и сурова. Либо люди отыщут новый общественный строй гармонии, либо действительно наступит конец времен и больше уже не будет ничего. Есть лишь один способ превратить технологию, с помощью которой люди до сих пор завоевывали и эксплуатировали планету и себе подобных, в основу новой жизни. По словам М. Букчина, следует «преодолеть не только буржуазное общество, но и живучее наследие имущих: патриархальную семью, систему (гигантских) городов, государство; должен быть преодолен исторический разрыв, разделяющий дух и чувственность, индивид и общество, город и деревню, труд и игру, человека и природу. Дух спонтанности и многообразия, пронизывающий экологическое восприятие естественного мира, должен теперь снизойти на революционные изменения и утопию вновь создаваемого общества» (15).

Обрести гармонию с природой и с людьми — это значит преодолеть отчуждение, диктат со стороны внешних сил, угнетение и индустриальное разделение труда. Это значит заменить государство, бюрократию и иерархию социальной и личностной автономией и самоуправлением отдельных людей и их ассоциацией, а конкуренцию и взаимную борьбу эгоистов — солидарной взаимопомощью, добровольной координацией интересов и потребностей. Предоставим трусам и скептикам считать все это несбыточной мечтой. Наша задача — холодно, трезво, прогностически установить: либо такой прорыв будет совершен, либо мы погибнем!

Либертарный, экологический и постиндустриальный социализм

Есть два способа предвидеть, как может выглядеть альтернативное, желаемое общество. Один из них можно назвать абстрактно-утопическим. Это стремление навязать окружающему миру некий жесткий, но ни на чем не основанный, чисто произвольный идеал. Попытки воплотить такие идеалы в жизнь, силой воздействуя на общество, на людей, совершенно к этому неподготовленных, заканчивались в истории обычно трагически.

Второй путь допустимо, вслед за немецким философом Э. Блохом, назвать «конкретной утопией». Это претворение в жизнь некоего потенциала, уже существующего под спудом старого, господствующего устройства мира.

Не будем поэтому сразу предлагать читателю некую готовую абстрактную картину «дивного нового мира», а просто посмотрим, какие тенденции и возможности заложены в мире сегодняшнем, не несет ли с собой индустриально-капиталистическое рабство элементы своего собственного отрицания (разумеется, не автоматического)?

В современных передовых обществах можно обнаружить не только развивающуюся «постиндустриальную и экологическую» («освободительную», как говорит М. Букчин) технологию, но и три неравные социальные сферы. Это прежде всего государство как институционализирующая сфера власти и господства, затем — буржуазное гражданское общество, образующее неинституционализирующую основу государства, также проникнутое духом и логикой господства, иерархии и эксплуатации, и элементы развивающегося снизу альтернативного (в потенциале — либертарного) гражданского общества, стремящегося освободиться от господства, иерархии и эксплуатации. Представляя собой историческое развитие человеческой склонности к взаимной помощи, эти элементы выступают в форме самоорганизации и самоуправления людей: либертарных (анархистских) рабочих организаций, гражданских инициатив, объединений жителей, различных коммун, самоуправляющихся групп и ассоциаций производителей и потребителей, и т. д. и т. п. — короче, в виде разнообразных добровольных социальных экспериментов, позволяющих строить жизнь и производить по-новому.

Опираясь на конкретную практику, накопленную в этих небольших «свободных пространствах», используя метод отрицания индустриально-капиталистического мира, можно обозначить важнейшие принципиальные черты и характеристики общества, иными словами, попытаться по когтю нарисовать льва.

Прежде всего, возникновение и развитие альтернативных общественных структур отразило стремление объединившихся в них людей восстановить целостность человеческого бытия, единство труда, быта и досуга (свободного времени). Были опробованы различные формы такого соединения, наиболее совершенной оказалась до сих пор модель небольшой самоуправляющейся и в тенденции самообеспечивающейся основными продуктами и благами коммуны (общины), концентрирующей труд и досуг свободных, творческих и разносторонне умелых людей. По оценке теоретика движения кибуцев М. Бубера, «подлинная и устойчивая реорганизация общества изнутри может быть осуществлена лишь посредством соединения производителей и потребителей... сила и жизненность которого может быть обеспечена лишь системой взаимодействующих, полностью коллективных общин» (16). Таким образом, коммуна представляется наиболее оптимальной формой реальной ассоциации производителей и потребителей. В законченном виде такая автономная коммуна социализирует производство и берет его в свое распоряжение и под свой контроль. Интересный и полезный коммунитарный опыт был накоплен в аграрных коммунах Арагона в 30-е годы, и израильских кибуцах, многочисленных коммунах в странах Европы, Америки, Азии и т. д.

Наряду с наиболее развитыми, коммунитарными формами имеются также примеры «частичных» ассоциаций, объединяющих, например, только самоуправляющихся производителей, потребителей и т.д. Их проще создать в условиях ныне существующего общества, но они оказываются и менее устойчивыми по отношению к его нормам и ценностям, а следовательно, их освободительный пример меньше, чем у коммун. Тем не менее, они могут стать важным шагом на пути к коммуне.

Оценивая в начале века причины неудачи или сравнительно малого распространения коммун (общин), П. А. Кропоткин пришел к выводам, которые актуальны до сих пор. Во-

первых, многие общины строились и поныне строятся не на либертарных (анархических), а на авторитарных или полурелигиозных основах. Особенно это касается объединений, создаваемых приверженцами некоторых духовных сект.

Вторая причина — это изолированность коммун, которая делает внутреннюю жизнь скучной, рутинной, однообразной, заставляя людей ежедневно иметь дело с одними и теми же коллегами. Это часто заставляет молодежь покидать общину (как это имеет место, например, в израильских кибуцах). Помимо этого, изолированность заставляет коммуны (если она не находится на полном самообеспечении, а это достаточно редкий случай!) продавать продукты своего труда на рынке, то есть играть в системе общественного труда по существу ту же роль, которую играет индивидуальный предприниматель-капиталист. Поэтому Кропоткин рекомендовал объединять общины в локальные, региональные и т. п. федерации, с тем чтобы обеспечить в них более или менее разнообразное (диверсифицированное) хозяйство, свободу перехода из одной коммуны в другую (17). Объединяясь снизу, такие коммуны могли бы образовать систему, покрывающую собой все общество.

Экологические императивы и информатизационная технология «предписывают» облик производства в таком коммунитарном обществе: небольшие по размерам, гибкие компактные организационные формы, не допускающие детализированного разделения труда, технического и социального отчуждения человека, не разрушающие окружающую среду и основы жизни людей. Постиндустриальные и экологические технологии отнюдь не противоречат коммунитарным общественным формам. Более того, М. Букчин еще в 1966 г. доказал (в статье «За освободительную технологию») (18), что при информатизации, децентрализации, экологизации и небольших размерах производства его коммунитарное ведение не только возможно, но и благоприятно. Соединение экологических критериев с производственным самоуправлением было осуществлено на практике не только некоторыми коммунами, но и кооперативными трудовыми группами (так называемыми «альтернативными проектами»).

Важное преимущество коммуны состоит в том, что производители и потребители в ней имеют возможность совместно и солидарно определять, что, где и как будет производиться и потребляться. Таким образом, производство ориентируется на удовлетворение вполне конкретных потребностей, на основе свободного договора обеспечивается взаимная координация потребностей и возможностей. Пути такого «планирования снизу» были подсказаны опытом ряда коммун и потребительских ассоциации: потребители суммируют свои потребности на регулярных общих собраниях и координируют затем эти решения с производственными возможностями либо в экономических органах коммуны (вместе с самоуправляющимися производителями), либо на общих собраниях коммун.

В свою очередь заинтересованные коммуны, объединенные в отдельные региональные и межрегиональные федерации, самоуправляющиеся производители и потребители могут совместно и солидарно, суммируя и координируя свои потребности и возможности, развивать более крупные промышленные и транспортные объекты, которые служат более чем одной коммуне. Подчинение экономических решений общественной договоренности, свободной согласованной воле людей позволит покончить с «экономическим» обществом, с

порабощением человека экономикой.

Люди, желающие выжить в достойных их условиях, вынуждены будут отказаться от господства над природой и себе подобными. Но это означает коренное изменение процессов и путей принятия общественных решений, замену «внешнего регулирования» (со стороны централизованно-планирующей бюрократии либо стихийных рыночных законов) самоуправлением и федеративным договорным «планированием» снизу.

Некоторые альтернативные сообщества уже предприняли определенные шаги в этом направлении. Так, ряд анархических коммун во Франции выдвинул идею «непрямого обмена», в соответствии с которым каждый член договорившейся коммуны может прийти на склад в любой из них и взять себе то, в чем он нуждается. В революционной Испании 1936 года функции координации и планирования снизу взяли на себя анархо-синдикалистские профсоюзы, образовавшие отраслевые генеральные советы делегатов и центральную кассу для равномерного распределения ресурсов отдельных самоуправляющихся предприятий. В декабре 1936 г. Общее собрание профсоюзов в Валенсии решило координировать деятельность различных производственных сфер единым общим планом, чтобы избежать вредной конкуренции и бессвязных изолированных действий.

В основном, однако, до сих пор речь шла скорее об экспериментах меньшинства, а не о полностью освобожденных пространствах, поскольку в своих отношениях с «внешним» миром коммуны, кибуцы и иные альтернативные единицы зачастую сохраняют закономерности господствующих товарно-денежных отношений. Это ограничивает, а частично и деформирует завоеванную свободу. Скажем, большинство кибуцев, даже установивших внутри чисто коммунистические отношения, ориентированы на рыночный сбыт своей продукции вовне. В результате включения в процессы разделения труда многие из них вынуждены были пересмотреть прежние самоуправленческие нормы и правила принятия решений в сторону большей экономической рациональности, интенсификации, специализации, концентрации полномочий и т.д. Такова одна из характерных ситуаций, когда рыночное начало открыто подрывает самоуправленческое, навязывает ему логику прибыли и господства.

Любые изолированные и локальные попытки достичь свободы уязвимы, подвергаются постоянной опасности интеграции в существующую эксплуататорскую систему, риску коммерциализации (что произошло, скажем, со многими «альтернативными проектами» 70-х годов). Устойчивость коммунитарной модели возможна лишь в том случае, если она будет распространена на целые общества, то есть на макросоциальный уровень. Понимая это, люди стремятся обобщить опыт различных альтернативных единиц и движений, увязать их в нечто цельное.

Испанские анархо-синдикалисты, суммируя практику революции 30-х и последующих социальных экспериментов, предложили в 70-е годы системную «Конфедеративную концепцию либертарного коммунизма» (19). Их идея развивает модель двойной федерации: территориального объединения коммун и хозяйственного объединения самоуправляющихся производителей. При этом экономические федерации производителей, как хозяйственные органы федераций коммун, призваны собирать информацию со всех коммун,

координировать и согласовывать ее с помощью современных информационных средств и рассылать по коммунаам. Таким образом, предполагается принимать решения по отраслям о распределении сырья, о производственном сотрудничестве. Затем эти решения подлежат ратификации или уточнению на соответствующих конгрессах коммуна различных уровней. Экологические анархисты, напротив, делают упор на диверсификацию, максимальное самообеспечение небольших коммуна, причем остальные продукты будут, как пишет М. Букчин, «распределяться среди свободных автономных общин... как тех, которые их производят, так и тех, которые в них нуждаются» (20).

Что касается распределения внутри коммуна (общин) и будущего коммунитарного общества в целом, то практика альтернативных движений четко выразила тягу людей к гармонии и социальному равенству. Речь не идет о той карикатурной, казарменной «уровниловке», которую власть имущие приписывают левым, чтобы потом пугать этим страшлищем обывателя. Напротив, это современное общество господства нивелирует и усредняет людей. Задача левых в ином — в том, чтобы, говоря словами М. Букчина, заменять неравенство одинакового равенством неодинакового (21). Каждый человек просто по праву рождения должен иметь возможность свободно жить и удовлетворять свои индивидуальные потребности.

Именно так обстоит дело в левых кибуцах. Один из теоретиков и практиков кибуцного движения так описывает этот способ распределения: «Принцип равенства... в кибуце не означает усреднения, то есть того, что все люди делают и должны делать одно и то же; именно здесь действует индивидуализирующий принцип. С одной стороны, от каждого по способностям. У людей различные способности... и каждый в соответствии со своими индивидуальными возможностями вносит вклад в общее дело. И точно так же наоборот: каждому по его потребностям. То есть и тут исходят из посылки, что индивидуальные потребности различны и что, с другой стороны, не существует связи между способностями и результатами труда — и удовлетворением потребностей, что это две различные сферы. В кибуце в целом есть связь между результатами труда и удовлетворением потребностей, но не на индивидуальном уровне» (22).

Разумеется, даже при современных возможностях производства не все потребности могут в полной мере удовлетворяться, да и экологическая необходимость предостерегает от излишней расточительности. Общество, даже коммунитарное, не может потреблять больше, чем производят его члены. Установление той или иной верхней разумной границы в такой ситуации неизбежно. Такие вопросы должны решаться свободно и в духе солидарности самими людьми, например, на общих собраниях. Но здесь важен сам подход: распределение не «по труду», а ориентируясь на индивидуально различные потребности людей.

Наконец, важнейшая черта того общественного устройства, которое придется утвердить человеку, если он хочет выжить в достойных его и его потомков условиях, это отмирание труда. Он должен стать свободной самоопределяемой деятельностью каждого человека, уже не рабством и проклятием, а (благодаря современным технологиям и ориентации на способности и склонности человека) своего рода созидательной игрой. В итоге различия между трудом и хобби могли бы все в большей степени растворяться, чтобы когда-нибудь, быть может, исчезнуть совсем.

Говоря об «обществе спасения», очень легко впасть в соблазн и подобно утопистам прошлого нарисовать детальные картины устройства прекрасного мира гармонии, справедливости и доброты. Мы постарались, напротив, не дать чрезмерной воли умозрительной фантазии, а говорить только о том, что было опробовано, или о том, что совершенно необходимо для выживания. Поэтому мы не приводим здесь «научного» определения или «строгого» конкретного описания строя либертарного социализма. Удовлетворимся для обобщения емкой характеристикой, оставляющей полный простор самоорганизации и самодеятельности людей. Ее автор П. А. Кропоткин: «Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, — из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой — снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительских общин с производительными союзами. И наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собой... Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму; оно будет, напротив, непрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм» (23).

Конечно, социальная система, описанная Кропоткиным, разительно отличается от общества, в котором мы сегодня живем. Те явления, о которых мы говорили, — это еще отнюдь не свободный мир возможного завтрашнего дня, в лучшем случае — пример или тенденции. Будут они реализованы или нет, зависит не от мнимых объективных и автоматических «законов», а от воли и способности самих людей к действиям, к борьбе, к сопротивлению и созиданию. Бесполезно надеяться, что какая-либо верхушечная, чисто политическая революция, захват политической и государственной власти хоть на шаг приблизит нас к цели. Но если люди смогут самоорганизоваться, если трудящиеся смогут занять фабрики, заводы, учреждения, аграрные хозяйства и утвердить на них самоуправление, если жители организуют постоянное самоуправление по месту жительства (в форме народных собраний, идущей от древнегреческого полиса или секций революционного Парижа), если потребители и производители объединятся в свободные ассоциации и начнут сами, совместно и солидарно решать вопросы собственной общественной жизни, без бюрократии, государства и рынка, — это будет социальная революция, дорога к свободе и сама свобода!

Примечания

(1) Dutschke R. Geschichte ist machbar! Berlin, 1980. S. 12.

(2) Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 22.

- (3) Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin, 1981, S. 33.
- (4) Gorz A. Wege ins Paradies. Berlin, 1986, S. 36.
- (5) Gorz A. Kritik der oekonomischen Vernunft. Berlin, 1989, S. 55-57.
- (6) Ibid, S. 65-66.
- (7) Wildcat, #54, Maerz/April, 1991, S. 22.
- (8) Gorz A. Wege ins Paradies, S. 43-44.
- (9) Wildcat, #54. Maerz/April, 1991, S. 23.
- (10) Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990, с. 176, 181.
- (11) См. The World Environment 1972—1982. A Report by the UNEP. Dublin, 1982, p. 267.
- (12) Kapp K. W. Soziale Kosten der Marktwirtschaft. Frankfurt a. M., 1988, S. 195.
- (13) Gorz A. Kritik der oekonomischen Vernunft. Berlin, 1989, S. 75.
- (14) Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft. Berlin, 1981, S. 54.
- (15) Ibid, S. 54.
- (16) Buber M. Pfade in Utopia. Heidelberg, 1980, S. 136.
- (17) См. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия, с. 378—383.
- (18) См. Bookchin M. Fuer eine befreiende Technologie. — In: Unter dem Pflaster liegt der Strand. Anarchismus heute. Bd. 2. Berlin, 1980.
- (19) См. El Anarco-sindicalismo en la era tecnologica. Madrid, 1988, p. 11-19.
- (20) Unter dem Pflaster liegt der Strand. Anarchismus heute. Berlin, 1980. S. 113.
- (21) См. Bookchin M. Hierarchie und Herrschaft..., S. 33.
- (22) Цит. по: Scherer K.-J., Vilmar F. (Hrsg.) Projektgruppe: Oekosozialismus. Berlin, 1984, S. 502.
- (23) Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988, с. 389—390.

Опубликовано: «Кентавр. Историко-политологический журнал». 1993. №1. С.18-36.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 15 августа 2025 23:26:20

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 15 августа 2025 23:51:37